

«ПОД НЕБОМ ПАРИЖА...»

Снова слышна эта волнующая душу мелодия, этот чарующий голос на французском, зовущий остановиться, вслушаться, отрешиться в сию минуту обыденности, помечтать, словно перенестись далеко-далеко от майской духмяно-черёмуховой аллеи в парке города Иланского. Кажется, что Ив Монтан был постоянным гостем нашим сибирским...

С ранней весенней поры, когда жизнь начинается в парке Железнодорожников, как его называли тогда, в шестидесятые годы, — расцветают на клумбах первые анютины глазки, ярче зелень хвойных, нарядными становятся берёзки, — к вечеру и звучит его песня из радиорепродуктора. Мелодия аккордеона разносится над благоухающим черёмухой пространством, вот уже летит выше, к слегка сумеречному небу, и дальше, дальше, через границы парка. И зовёт оставить свои, возможно, уже никчёмные в это время, дела и заботы и спешить сюда, в этот оазис Весны, к танцплощадке...

Ведь сам Ив Монтан поёт, приглашает вас в такой далёкий Париж, под кроны цветущих каштанов, к аромату прекрасных роз у стен Нотр-Дама или на берег тихой Сены, на мост Берси. Там стоит человек с развевающейся на ветру прядью тёмных волос. Его синие глаза смотрят на белые облака в небе, на летящих белых птиц — голубей. А в руках у него — аккордеон. Музыкант играет вальс и поёт. Песня — как гимн влюблённых в свой город, город Судьбы, город Любви. Белые голуби кружат

вальс, танцем своим окрыляя влюблённых. Песня любви летит под небом Парижа, легка и чиста... Влюбляешься ты, и город влюблён. Счастье своё находит тот, кто надеется, ждёт и верит.

И по нашему парку сибирскому, весеннему, а потом и летнему, ходят влюблённые пары, и их счастье строится под дивную мелодию, созданную для них. Вальс зажигает их сердца, зовёт на танцплощадку, под свет прожекторов. А мы с подружками стоим неподалёку, смотрим восхищённо на танцующих, представляя себя в этом хмельном кружении любимого вальса. Но рановато пока нам туда — возраст не тот! Мы — под небом сибирского городка... А вот и засветилась на нём первая в этот вечер звезда.

Навсегда запомнятся нам эти волшебные мгновения, на всю жизнь.

ВИДЕНИЕ

Жизнь наша день за днём проходит почти незаметно, как говорят многие из нас. Нет же, почему незаметно? Ведь она насыщена столькими событиями, впечатлениями, ощущениями! Они лично твои, ничьи... Колесо Фортуны-Судьбы у каждого движется по-своему: у кого со скрипом, скрежетом, через невероятные усилия — тем желаннее победы; а у кого почти бесшумно, ровным ходом, гладко — без событий, что ли?

И это не так, потому что жизненная повседневность у всех нас иной раз бывает незаметна для других и даже тех, кто рядом. И всё чаще на склоне лет звучит: «А помнишь?» — «О да, помню!» — или: «Да что ты говоришь?! Ну-ка расскажи поподробней, а то я и подзабыл!» И идут эти неторопливые разговоры за чашкой чая, за столом, а возможно, у ночного костра, о том о сём.

Но есть воспоминания, которыми не очень хотелось бы делиться с окружающими по какой-то непонятной причине, что-то тебя останавливало. Казалось, будто в этом есть нереальность, тайна необъяснимая, разуму неподвластная. Можно верить и не верить произошедшему тогда, в детстве...

Наша семья в тот год жила в Иланском уже. Было лето 1960 года, я отучилась в четвёртом классе. Каникулы! Но забот домашних и обязанностей на мне было предостаточно — старшая сестра небось. Квартира наша находилась в доме, предназначенном в основном для семей железнодорожников. Его построили из бруса, как и другие по улице, восьмиквартирные, в два этажа, с печным отоплением, без удобств. Вода в колонке около дороги.

Семьи были из Оренбурга и те, кто обслуживал грузоперевозки ранее на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Помню фамилии семей Кулешовых, Басковых. Барановских, Ягуновых, Назаровых, Здор, живших в нашем доме. Брат дружил с пацанами, у меня подружки были с нашей улицы. Бывало, помогали друг другу: кто посуду моет, кто полы подметает, чтобы потом побыстрее освободиться от дел домашних и всем вместе идти гулять. А то и искупаться в озере-запруде, которое Пульсометром называлось официально, а по-простому — Бульзик. А загорать прибегали оттуда до дому. Во дворе, под одной общей длинной крышей, стояли деревянные сараи-кладовки. У кого оттуда куры кудахтали, повизгивали поросята, а уголь в ларях и дрова в поленицах на растопку печей у каждого были.

При копке подвалов в сараюшках под заготовки на зиму — картофеля, капусты квашеной, помидоров, огурцов, грибов, всё в бочонках, — глину складывали за сараями. Там что-то наподобие вала и образовалось, и нам с девчонками легко было на крышу взбираться, чтобы загорать там. Подстелем себе что мягче, затаимся, чтобы мальчишки нас не видели и сёстры-братья младшие чтоб не увязались. У меня тоже сестрёнка Лена, ей пять-шесть лет было, так больше братишке Вадику с ней быть приходилось. То в войнушку играть брал её с собой, выдав автомат самодельный, деревянный. Они с пацанами бегом высотки занимать: «Ур-ра-а!» — слышно, там и она с ними. Родители-то на работе были, да и в детский сад сестрёнка не ходила, как и мы с братом в своё время. То бабушка Аня с дедом Алексеем за нами присматривали, то теперь мы сами за сестрой.

Ну вот, однажды мы с подружкой Тоней Назаровой, что была меня старше на два года, накупавшись, взобрались на крышу, загораем. День летний, тепло, жарковато даже. Поговорили, посмеялись, посеCRETничали. Вдруг слышим: «Тоня-я!.. Иди домой!» Выглянули. Да, точно, зовёт Тоньку её мачеха, тётя Клава (Клавка, как Тоня за глаза её называла), зовёт, стоя на крыльце дома. Водиться, наверное, подумалось нам, ведь в их семье были ещё дети, младше её, аж трое. Тоня — главная помощница и няня... Пришлось ей спуститься, уйти. Я осталась одна. Прикрыла плечи полотенцем, лежу. Прошло какое-то время. Перевернувшись на спину, стала смотреть на небо, такое голубое сегодня. И вдруг, словно внезапно, почти во всю ширь неба, как мне показалось, я увидела появившееся там большое белое лицо старца. Это был не бюст, а просто лицо: белые волосы на голове,

без убора головного, белая борода, довольно густая, с длинными, слегка волнистыми волосами. Наверное, её можно было бы назвать окладистой. Густые белые брови под нешироким лбом и какой-то светлый взгляд словно светлых глаз...

В небе отсутствовали суета, движение. А взгляд старца был спокоен, как показалось мне, по-отечески мудр, серьёзен, озабочен и направлен был вниз, к Земле, к нам, к человечеству (как потом мне думалось). Его взгляд не был направлен на меня. А белый цвет был столь рельефен, столь выразителен, столь точно прорисовывал каждую чёрточку на лице: аккуратный нос, слегка выпуклые губы, усы, а также бороду, волосы!.. Это было незабываемое зрелище, дившееся, наверное, какие-то мгновения. Сердце моё заколотилось бешено, я почувствовала испуг перед непонятным мне явлением. Опустила глаза. Взглянула вновь вверх. Но что это?.. Лицо исчезло. Я стала беспорядочно собирать вещи, изредка косясь на небо. Эмоции переполняли меня. Было непонятно, что произошло, кто это.

Мне нужно было срочно рассказать об этом кому-либо, поделиться своими страхами. А до этого, когда мы шли с Тоней от озера, я видела, что мама шла уже с работы домой. «Да, правильно, скажу маме, всё ей расскажу!» Я быстро взбежала по лестнице, открыла дверь. Она, увидев меня такой взволнованной, спросила: «Что случилось? В чём дело? Что с тобой? Почему ты трясешься, Оля?» (А у меня и впрямь руки тряслись.) Давай ей рассказывать, сбивчиво и сумбурно. Выслушала. И... «Ты опять без панамы ходишь по жаре? Сколько можно? Хоть говори, хоть не говори, всё одно и то же!» Не поверила, сославшись на мой якобы солнечный удар. Обидно было. Но, зная мамин категоричный характер, предположила, что и в дальнейшем не поверит. Папа, узнав из моего рассказа о том, что со мной произошло, подумав, пожал плечами: «Знаешь, в истории человечества, исходя из летописей древних, не исключено такое. Бывали случаи!..»

А мы с девочками потом каждый день всматривались в небо, разглядывая его и облачным, и ясным. Я и теперь пристально глядываюсь, смотрю на небо и ищу в нём... кого? Не знаю. А не так давно, прогуливаясь в городе Железногорске, у озера, возле Михайло-Архангельского собора, увидев на скамейке во дворе храма сидящую старушку, подошла к ней, села рядом. Мне почему-то захотелось ей рассказать этот случай из детства... Она выслушала и сказала: «Это добрый знак в вашей Судьбе!..»